

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

П.Н. Казберов¹, Б.А. Спасенников², В.В. Тюньков³

¹ Федеральная служба исполнения наказаний России, г. Москва, Российская Федерация

² Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко, г. Москва, Российская Федерация

³ Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 июня 2019 г.

Дата принятия в печать

25 ноября 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 декабря 2019 г.

Ключевые слова

Криминология; преступление; личность преступника; психодиагностика; характеристика личности; осужденные; наказание; цели наказания; экстремизм; терроризм; математические методы исследования

Аннотация. Авторы произвели анализ личностных характеристик осужденных за преступления террористического и экстремистского характера. В работе показаны результаты исследования 700 таких осужденных, проведенного в 490 пенитенциарных учреждениях в 2015–2019 гг., в ходе которого использовался метод стандартизированного многофакторного исследования личности — русскоязычный вариант Minnesota Multiphasic Personality Inventory. Рассмотрены показатели обобщенного профиля основных шкал стандартизированного многофакторного исследования осужденных, совершивших преступления экстремистской и террористической направленности, а также показатели профилей трех отдельных подгрупп осужденных: это осужденные за террористическую деятельность, за экстремистскую деятельность, за экстремистско-террористическую деятельность (смешанный тип). Результаты исследования позволили установить, что в работе по достижению целей наказания с осужденными рассматриваемой категории необходима соответствующая коррекция различных личностных особенностей осужденных в каждой из подгрупп. На основании полученных данных выработаны и внедрены в отечественную пенитенциарную практику рекомендации по оптимизации достижения целей наказания в отношении рассматриваемых осужденных. Авторам удалось ответить на некоторые актуальные вопросы, касающиеся определения особенностей личности заключенных, совершивших подобные преступления. Полученные материалы не подтвердили положений о том, что преобладающая часть этих лиц являются обладателями выраженных акцентуаций характера и расстройств психического здоровья, а также о том, что им свойственна готовность к насилию, основанная на склонности к агрессивности и разрушительности. Представленные материалы в виде графиков и цифр могут самостоятельно интерпретироваться отечественными и иностранными криминологами, не имеющими возможности исследовать такое количество заключенных в пенитенциарных учреждениях. Полученные данные позволяют выявлять лиц, склонных к террористическим и экстремистским действиям, на основе психологического обследования до совершения преступления.

SPECIFIC PERSONALITY CHARACTERISTICS OF PRISONERS CONVICTED FOR TERRORISM AND EXTREMISM CRIMES

Pavel N. Kazberov¹, Boris A. Spasennikov², Vladislav V. Tyunkov³

¹ Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

² N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Moscow, the Russian Federation

³ Irkutsk State Transport University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2019 June 5

Accepted

2019 November 25

Available online

2019 December 26

Abstract. The authors have analyzed personal characteristics of prisoners convicted for terrorism and extremism crimes. They present the results of surveying 700 such convicts in 490 penitentiary institutions in 2015–2019 using the Standardized Multiphasic Personality Inventory (SMPI) — the Russian version of Minnesota Multiphasic Personality Inventory. The authors examine the generalized profile indicators of the key scales of the Standardized Multiphasic survey of convicts prosecuted for extremism and terrorism crimes, as well as the profile indicators of three separate sub-groups of convicts: persons convicted for terrorism activities; persons convicted for extremism activities; persons convicted for extremism-terrorist activities (mixed type). Research results made it possible to state that, in order to achieve the goals of punishment for this category of persons, it is necessary

Keywords

Criminology; crime; personality of the criminal; psychodiagnostics; personality characteristics; convicts; punishment; punishment goals; extremism; terrorism; mathematical research methods

to correct the corresponding personality characteristics of convicts in each subgroup. The obtained data were used to work out and implement into Russian penitentiary practice the recommendations on optimizing the achievement of the goals of punishment for these convicts. The authors were able to provide answers for some of the urgent questions on determining the specific personality characteristics of convicts guilty of such crimes. The obtained materials did not prove the thesis that the dominant share of these persons have acute accentuation of character and psychological health disorders, or that they demonstrate a readiness to violence based on their inclination to aggression and destruction. The materials, presented in the form of graphs and numbers, are ready for an independent interpretation by Russian or foreign criminologists who do not have an opportunity to survey such numbers of convicts in penitentiary institutions. The obtained data make it possible to identify persons inclined to terrorism and extremism activities on the basis of psychological profiling before they commit crimes.

Одним из основных вопросов, изучаемых криминологией, является анализ личности преступника. Авторы согласны с тем, что в данном контексте под личностью понимается совокупность социально значимых свойств человека, влияющих, в сочетании с внешними условиями (ситуацией), на его преступное поведение [1, с. 11]. Пенитенциарная практика дает возможность изучать лиц, осужденных за те или иные преступления, определять специфические черты личности преступника, формулировать особенности достижения целей наказания [2–4].

Цель нашего исследования — выявление особенностей личности лиц, осужденных к лишению свободы за преступления террористического и экстремистского характера.

Исследование проводилось в 490 пенитенциарных учреждениях (исправительные колонии общего, строгого и особого режимов, тюрьмы, колонии-поселения) 43 территориальных органов ФСИН России, расположенных на территории семи федеральных округов Российской Федерации (кроме Северо-Кавказского), в период с ноября 2015 г. по март 2019 г.

Было обследовано 915 мужчин, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений террористического и экстремистского характера. Исследование такого большого числа заключенных за эти преступления проведено впервые в отечественной криминологии.

В ходе исследования использовалась методика стандартизированного многофакторного исследования личности (далее — СМЛ) [5], созданная на основе Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI) [6], позволяющая представить результаты в виде графиков и цифр. Эти методики наиболее распространены в деятельности отечественных и зарубежных правоохранительных органов, вооруженных

сил (наш опыт применения тестов ММПИ и СМЛ превышает 25 лет; за эти годы нами проведено несколько тысяч обследований различных категорий лиц [7; 8]). Методика СМЛ является интегральной в исследовании личности. Она дает возможность выявлять различные особенности ее структуры, наличие акцентуаций, пограничных расстройств на основании профиля, учитывающего 13 основных и, при наличии оснований для исследования, дополнительные шкалы.

Применение методики СМЛ позволило нам ответить на ряд актуальных гипотез, активно обсуждаемых криминологами. Среди них теоретическое предположение о том, что для преобладающего числа лиц, совершающих преступления террористического и экстремистского характера, характерны выраженные акцентуации, иные расстройства психического здоровья, грубая психосоциальная дезадаптация [9, с. 73; 10, р. 603]. Среди таких гипотез — модель личности психопата-фанатика и иные допущения криминологов [11; 12, р. 495; 13, р. 8; 14–20]. Другие авторы высказали предположение, что таким преступникам присуща готовность к насилию вообще, основанная на склонности к агрессивности и разрушительности [21, с. 53; 22–24]. С.Н. Ениколоповым выдвинута теория о том, что всем террористам свойственна высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое «я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей [25, с. 30]. Наше исследование, выполненное на основе обобщения большого эмпирического материала, позволило проверить указанные предположения, определить их обоснованность.

При анализе 915 результатов СМЛ материалы 215 осужденных (23,5 %) были определены как недостоверные с учетом пика свыше

70 Т-баллов на шкале L «ложь», а также фактора «L минус К». При этом профиль оказывался сглаженным, заниженным, что указывает на умышленное (или случайное) искажение осужденным результатов обследования. Причины высокого показателя по шкале L (обман с целью получения каких-либо поблажек в режиме, условно-досрочного освобождения, желание показать себя в «хорошем свете», небрежность в ответах и др.) в этой статье не обсуждаются. Можно предположить, что часть из этих 215 осужденных с высоким показателем по шкале L — лица, имеющие примитивный психический склад, низкое самопонимание, неразвитые адаптивные возможности, что имело определенное значение в преступном поведении. Коррекционная беседа и повторное тестирование в рамках нашего исследования не проводились.

Материалы 700 осужденных (76,5 %) были достоверными с учетом соотношения шкал L, F «достоверность», фактора «L минус К» и иных показателей, поэтому анализ обобщенного профиля основан на материалах 700 осужденных из общего числа обследованных.

Известно, что лишь 0,7 % лиц, у которых в профиле имеется хотя бы одна шкала с показателем более 70 Т-баллов, не имеют психических отклонений. В это же время у 1,5 % лиц, имеющих профиль в рамках нормы, впоследствии обнаруживают психические расстройства [21,

с. 38]. Обобщенный анализ всех профилей лиц, осужденных за исследуемые преступления, обнаруживает 68 профилей (9,7 % от общего количества), имеющих одну или более шкал более 70 Т-баллов. Профили остальных 632 осужденных (90,3 %) не имеют превышений уровня 70 Т-баллов, что позволяет отнести их к группе психического здоровья.

При этом мы согласны с данными, что у лиц, впервые осужденных за убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, число профилей, имеющих одну или более шкал свыше 70 Т-баллов, значительно превышает аналогичный показатель лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности (соответственно 16,6 и 9,7 %) [21, с. 37], т.е. психопатологические признаки у лиц, осужденных за рассматриваемые нами преступления, по данным СМИЛ, встречаются реже, чем у лиц, впервые осужденных за убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, что определяет ошибочность ряда гипотез, приведенных выше.

В обобщенном профиле основных шкал СМИЛ показатели не определяют наличие ярко выраженной личностной дезинтеграции, высокой степени эмоционального напряжения, аффективной выраженности переживаний, ведущего клинко-криминологического синдрома (рис. 1). С учетом значительной выраженности

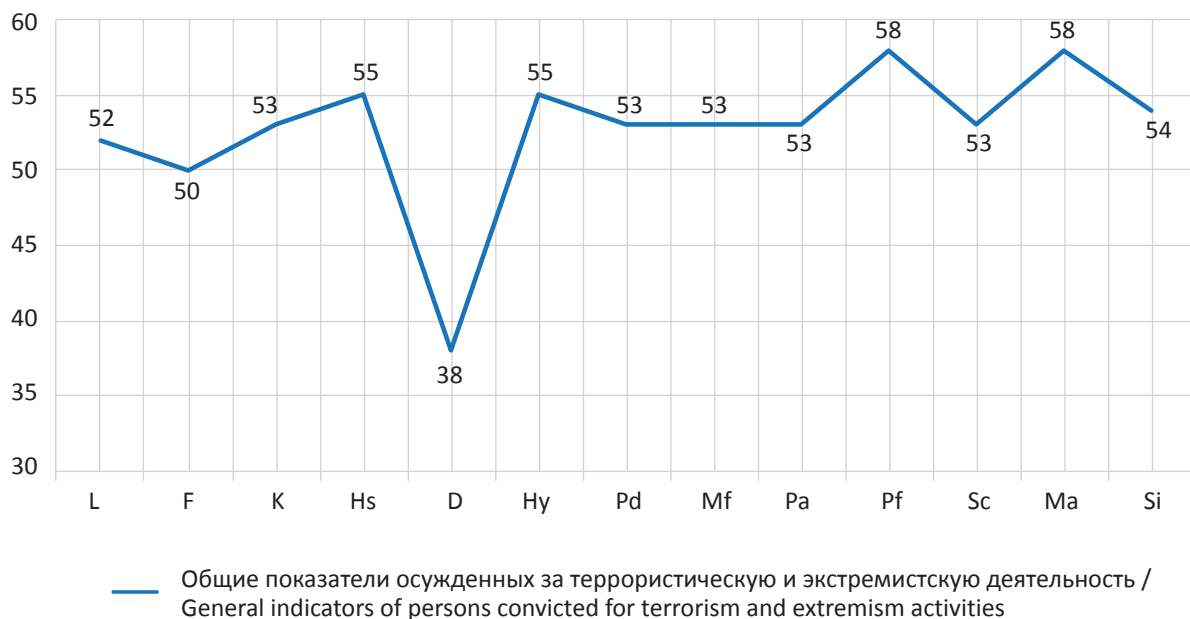

Рис. 1. Обобщенный профиль СМИЛ осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности

Fig. 1. Generalized SMPI profile of persons convicted for terrorism and extremism crimes

подъема отстоящих друг от друга шкал усредненный профиль можно определить как широко разбросанный, противоречивый.

Высокий показатель по шкале К «коррекция» (53 Т-балла), превышающий показатели по шкалам L (52 Т-балла) и F (50 Т-баллов), свидетельствует об устойчивой асоциальной направленности личности этих заключенных, затрудняющей процесс достижения целей наказания.

На дефицит эмоционального тепла в детстве, имеющего значение в становлении личности человека, его криминального поведения, указывает высокий показатель по шкале Нs «сверхконтроль» — 56 Т-баллов.

Ярко выражен конверсионный тип профиля (высокие показатели по шкалам Нs и Ну «эмоциональная лабильность» при очень низких по шкале D «пессимистичность»). Это расценивается как проявление того, что телесное (соматическое) бессознательно и в искаженной форме вытесняет инстинктивные побуждения. Конверсионные признаки в клинической криминологии рассматриваются по аналогии с аффективными реакциями. Демонстративность, публичность террористического или экстремистского деяния для людей такого типа — это дополнительные побудительные мотивы его совершения.

Ведущая тенденция, проявляющаяся в сочетании показателей шкал D (38 Т-баллов) и Ma «оптимизм и активность» (58 Т-баллов), позволяет определить осужденных как деятельных и отрицающих тревогу. Во время совершения преступления они не учитывали возможность уголовного наказания за совершение преступления. Сочетание низких значений показателей по шкале D и высоких по шкале Ma свидетельствует также о фазовости настроения. Такому стилю поведения свойственны, вне зависимости от обстоятельств, активность и энергичность. Их коммуникативные навыки сочетаются с желанием поиска «острых ощущений» в террористической или экстремистской деятельности.

В стрессовой ситуации лица с ведущей шкалой Ma проявляют чрезмерную и не всегда осмысленную активность, зачастую подражая значимой для себя личности. Они предрасположены к преступной деятельности, которой свойственно самопозиционирование. Чувство ответственности за себя и окружающих им незнакомо. Эти люди пытаются компенсировать утраты, принесенные реальными жизненными событиями, просто отрицая и вытесняя мысли о них из сознания. Реализация актуальных потреб-

ностей абсолютно лидирует в их подструктуре направленности личности над любыми серьезными, продуманными целями, убеждениями, что способствует совершению рассматриваемых преступлений. После наказания, лишения свободы за преступления, это часто приводит к их моральному банкротству, которое заключенные пытаются компенсировать ложью о своих преступных деяниях и бахвальством.

Иное значение имеет показатель шкалы Pf «тревожность» (58 Т-баллов). Лицам данного типа свойственна значительная внутренняя, душевная сила, стойкость и упорство. Внутренние убеждения определяют характер их поступков, действий, в том числе экстремистских и террористических. Формальные руководители им «не указ и не авторитет». Они ослушаются любого формального руководителя, если его слова, идеи расходятся с их собственными. Если какого-либо заключенного можно испугать потерей каких-либо благ (передач, свиданий, условно-досрочного освобождения и т.д.), то с осужденными за преступления экстремистского и террористического характера, имеющими такой профиль, этого добиться очень трудно, на что указывают и другие авторы [26, с. 527]. Иначе говоря, лицо, замышляющее террористический акт или экстремистские действия, плохо поддается влиянию формального религиозного, государственного или иного лидера, пытающегося отговорить его от этого деяния. Они могут отказаться от преступления лишь под влиянием лица, являющегося для них личным авторитетом. Личность этого типа — человек, который, не надеясь на собственные силы и на помощь людей, более остальных (скорее сердцем, а не разумом) тянется к религии, находя в ней оплот. Будучи сторонниками религиозного экстремизма, терроризма, они действуют убежденно и «идут до конца».

Сочетание показателей шкал Pf и Ma выявляет ведущую тенденцию к интеграции разнонаправленных свойств (смешанный тип реагирования), как гипо- (Pf), так и гиперстенических (Ma) характеристик. При этом значительная потребность в самореализации интегрируется со столь же значимым (сильным) самоконтролем, внутренним стержнем личности, что способствует совершению преступлений террористического и экстремистского характера.

Таким образом, проведенный анализ показателей общих шкал СМЛ исследуемых лиц (см. рис. 1) определяет необходимость психо-

коррекционного воздействия на такие сферы личности, как когнитивная, поведенческая, эмоциональная, а также на направленность самой личности. В достижении целей наказания по отношению к осужденным этой категории должны участвовать сотрудники пенитенциарной системы, являющиеся значимыми, авторитетными для этих осужденных (например, осужденные за совершение деяний под влиянием деструктивных религиозных исламских течений могут прислушаться к сотруднику исправительного учреждения, исповедующему ислам, но не прислушаются к христианину, буддисту или иудею).

Помимо необходимости психокоррекции сфер личности осужденных, указанных выше, определена потребность в проработке таких неконструктивных механизмов защиты, как отрицание и вытеснение. Нужно формирование чувства ответственности за себя и окружающих, способности к адекватной самооценке, а также способности к конструированию долгосрочных

жизненных планов и выработке конструктивных копинг-стратегий по адаптации к условиям отбывания наказания. В рамках клинико-криминологической проработки невротических и патохарактерологических проявлений требуется совместная работа психолога и психиатра исправительного учреждения.

При организации работы с данной категорией осужденных необходимо придать их активности нужное направление, используя как рычаг их тщеславие и склонность к подражанию. Значительное влияние способен оказать «кумир», «герой», т.е. личность, пользующаяся у них авторитетом. При проведении коррекционной работы должен быть сделан акцент на внушаемость осужденных, проявляющуюся, однако, лишь в отношении авторитетных для них лиц.

На рис. 2 представлены профили основных шкал СМЛ трех подгрупп осужденных: лиц, совершивших преступления террористического характера (далее — террористы); лиц, совер-

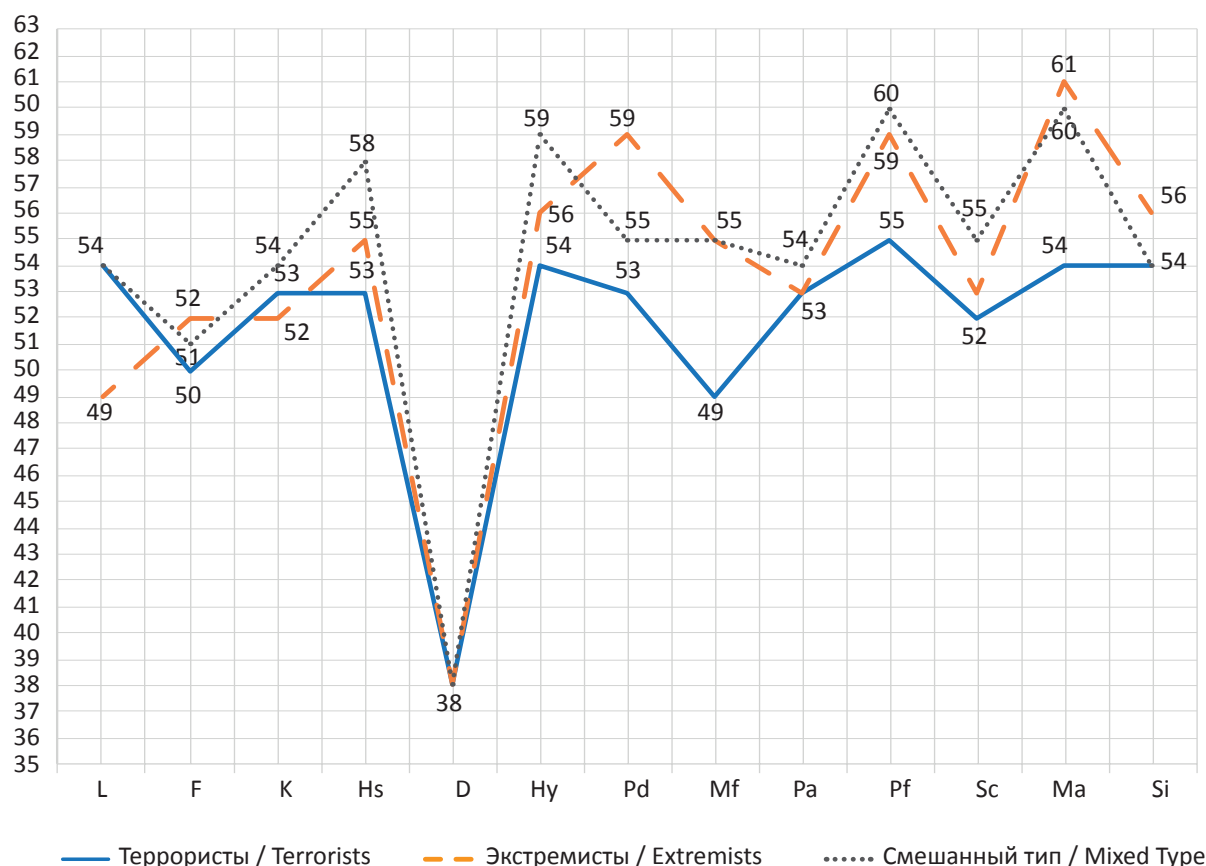

Рис. 2. Показатели общих шкал СМЛ подгрупп лиц, осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность

Fig. 2. Indicators of the general SMPI scales for the sub-groups of people convicted for terrorism and extremism activities

шивших преступления экстремистского характера (далее — экстремисты); смешанный тип (совершили экстремистское и террористическое преступления).

Сравнительный анализ показателей этих профилей (см. рис. 2) демонстрирует, что они имеют как общие признаки, так и признаки, характерные для каждой из подгрупп. Отметим, что в данных профилях отсутствуют пики, выводящие их контуры за границы нормы. Показатели профилей каждой из трех подгрупп не указывают на наличие ярко выраженных личностных дезинтеграций, степени эмоционального напряжения, аффективной выраженности переживаний, ведущего клинко-криминологического синдрома.

К числу различий в профилях трех подгрупп отнесем различия в количестве профилей, имеющих одну или более шкал свыше 70 Т-баллов. Так, анализ 383 профилей лиц, осужденных за преступления террористической направленности, выявляет лишь 31 профиль (8 %), имеющий одну или более шкал более 70 Т-баллов. Среди профилей 134 лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, выявляется 9 профилей (6,7 %) с такими показателями. Из профилей 179 лиц, совершивших деяния экстремистско-террористического характера, определяется 24 профиля (13,4 %), имеющих одну или более шкал свыше 70 Т-баллов. Это указывает на наибольшее количество среди них лиц с психопатологическими отклонениями. По этому показателю смешанный экстремистско-террористический тип осужденного наиболее близок к характеристике лиц, впервые осужденных за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Из показателей всех трех профилей (см. рис. 2) обращает на себя внимание наибольшее количество ведущих пиков, не выходящих за пределы нормы, но выявляющих особенности личности осужденных смешанного типа.

При анализе показателей общих шкал СМЛ, характеризующих личностные особенности осужденных смешанного типа, выявлено следующее.

Высокий показатель по шкале К (54 Т-балла) указывает на устойчивую асоциальную направленность личности этих заключенных.

Значение профиля шкалы Нs выше среднего (58 Т-баллов) у осужденных смешанного типа свидетельствует о психосоматической (клинико-криминологической) дезадаптации, пробле-

ме эмоционального дефицита в детстве, эмоциональной незрелости. Сочетание показателя Нs с высоким показателем шкалы Нy (59 Т-баллов) показывает, что самооценка преступника часто не соответствует оценке со стороны окружающих, самокритичность отсутствует, наблюдается слабый общий самоконтроль и присутствие незрелых суждений.

При этом повышение профиля шкалы Нy определяет низкую требовательность этих осужденных к себе, к своему поведению, эгоцентризм. Они болезненно переживают отсутствие признания со стороны окружающих. Потребность в таком признании часто и приводит к демонстративным экстремистско-террористическим деяниям.

Показатель индекса шкалы Pf (60 Т-баллов) у осужденных смешанного типа определяет устойчивые черты характера этих осужденных, способствующие их подверженности невротическим срывам. Тревожность у этих лиц определяется скорее как устойчивая черта, чем как состояние, и связана с длительной невротизацией. Эти лица раздражительны, тревожны; им присуща низкая самокритичность. Для них несвойственны и хорошие интеллектуальные способности.

Высокий показатель шкалы Ма (60 Т-баллов) у осужденных смешанного типа выражает тенденцию к переоценке ими собственных возможностей, лживости, слабости моральных установок, поверхностности в контактах с окружающими, иногда к вспыльчивости и конфликтности. Они подозрительны и беспринципны. Эти заключенные обладают честолюбивым характером, упрямы, отличаются вызывающим поведением, готовы к риску до бесстрашия, что проявляется в преступной деятельности.

Таковы личностные характеристики осужденных смешанного типа, определенные на основе показателей ведущих пиков общих шкал СМЛ. Эти характеристики свидетельствуют о том, что осужденные смешанного типа являются сложной подгруппой с точки зрения достижения целей наказания. Возникает необходимость в психокоррекционном воздействии на такие сферы их личности, как когнитивная, поведенческая, эмоциональная. Это возможно только в условиях организации совместной работы начальника отряда, психолога и пенитенциарного психиатра. Им приходится проделывать достаточно много работы, чтобы сформировать у осужденных смешанного типа адекватную

самооценку, самокритичность, способность к эмоциональному самоконтролю, требовательность к себе и к своему поведению. Кроме того, наш опыт показывает, что требуется приложить очень много усилий при осуществлении коррекционной проработки таких качеств осужденных этой подгруппы, как беззащитная лживость и слабость моральных установок.

Еще одно направление работы — формирование у осужденных смешанного типа мотивации к участию в работе, как оплачиваемой, так и по благоустройству территории пенитенциарного учреждения. Эта работа непрестижна для таких заключенных, так как предусматривает отношения с государством, против которого они выступают.

Сотрудникам пенитенциарного учреждения при работе с рассматриваемой подгруппой осужденных в целях исправления последних можно использовать такую личностную особенность данных лиц, как их потребность в завоевании уважения со стороны других осужденных, некоторых сотрудников ФСИН России. Это помогает преодолеть другую ярко выраженную характеристику их противоречивой натуры — выраженный эгоцентризм.

В целом при организации работы с данной категорией осужденных необходимо придать их активности нужное направление, используя как рычаг их тщеславие и честолюбие.

Следующим профилем, отличающим личностные характеристики по ведущим пикам СМЛ, выступает профиль подгруппы лиц, совершивших преступления экстремистской направленности. Надо отметить, что показатели двух пиков этого профиля во многом повторяют показатели профиля осужденных смешанной подгруппы: по шкале Pf — 60 Т-баллов у осужденных смешанного типа и 59 Т-баллов у подгруппы экстремистов; 60 Т-баллов по шкале Ма у осужденных смешанного типа и 61 Т-балл у подгруппы экстремистов. Это определяет значительную однородность личностных характеристик осужденных смешанной подгруппы и подгруппы экстремистов. Сочетание показателей шкал Pf и Ма у обеих подгрупп выявляет ведущую тенденцию профилей к интеграции разнонаправленных свойств (смешанный тип реагирования), как гипо- (Pf), так и гиперстенических (Ма) характеристик. При этом проявляются разнонаправленные характеристики: социальная отчужденность, переоценка собственных возможностей, лживость, слабые моральные уста-

новки, тревожность, подверженность невротическим срывам, эгоизм.

Некоторая однородность личностных характеристик осужденных смешанной подгруппы и подгруппы экстремистов позволяет предположить, что именно личностные характеристики лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, обуславливают наличие ярких отличительных характеристик осужденных смешанной подгруппы. В пользу этого говорит и то, что наличие ведущих пиков общих шкал СМЛ подгруппы лиц, совершивших преступления террористического характера, представлено минимально.

Тем не менее, невзирая на некоторое сходство в показателях, подгруппа экстремистов имеет ведущий пик, свойственный только ей, — по шкале Pd «импульсивность» 59 Т-баллов. Этим людям свойственно раскованное, спонтанное поведение, склонность к риску, поспешность в принятии противоправных решений. При этом чем выше потребность в реализации цели, тем значимее проявляются игнорирование закона, общественных интересов.

Сочетание показателей Pd сопровождается психопатическим поведением: гиперактивность, безответственность, аморальность, эгоизм, попытки доминирования, поверхностность в социальных отношениях, высокие притязания. Слабость самоконтроля приводит этих лиц и к злоупотреблению психоактивными веществами (наркотики, алкоголь).

Пик по шкале Pf (59 Т-баллов) указывает на высокое чувство собственного достоинства у этих заключенных.

Ведущий пик по шкале Ма указывает на высокие мотивации достижения. Они гордятся своей преступной деятельностью, убеждены в своей правоте. Эти лица легко впадают в гнев в ответ на попытку противодействия им. Они убеждены в своей удачливости. Полагают, что привлечение к уголовной ответственности было случайностью. В целом у них присутствует завышенная самооценка.

Таковы наиболее яркие личностные характеристики подгруппы осужденных, совершивших экстремистские преступления, определенные на основе показателей ведущих пиков общих шкал СМЛ.

В работе с осужденными за экстремистские преступления необходима коррекция подструктуры направленности их личности: безответственности, аморальности, поверхностности в

личных отношениях. Цель коррекции — поставить эмоции осужденного под контроль его собственного интеллекта.

Менее всего ведущих пиков представлено в профиле подгруппы осужденных за преступления террористической направленности. Следует обратить внимание на пик по шкале L (54 Т-балла) с некоторым минимальным уплотнением всего профиля. Это указывает на определенное стремление осужденных показать себя в «выгодном свете». Они пытаются контролировать поведение в собственных интересах. Высокий показатель по шкале Hs (53 Т-балла) также указывает на это.

Повышение профиля на шкале Ну мы связываем с тем, что террористический акт демонстративен по своей природе, что отражается и в личности террориста.

Показатель шкалы Мf «мужественность — женственность» (49 Т-баллов) говорит о демонстративной мужественности, черствости и жестокости характера, простоте в общении, иногда грубой манере поведения и манере высказываний. Такие осужденные просты в поведении. Достаточно высоко оценивают свои физические качества и состояние здоровья. Они не пытаются сдерживать свою агрессивность или антисоциальность.

Повышение профиля до 53 Т-баллов по шкале Ра «ригидность» свидетельствует об устойчивости установок на террористическую деятельность, упорство в отстаивании своей преступной позиции, достижении результатов, которое усиливается при противодействии со стороны представителей закона. Такие осужденные стремятся к повышению своей роли в группе, близкой им по целям. Они эмоционально захвачены своими террористическими идеями. Склонность к соперничеству и устойчивость к стрессу способствуют их террористической деятельности. Кроме того, они осторожны и недоверчивы.

Пик профиля на шкале Pf (55 Т-баллов) указывает на сильное предчувствие опасности, что существенно затрудняет оперативно-разыскное противодействие этой преступной деятельности.

Сочетание показателей шкал Pf и Ма (54 Т-балла) указывает на преобладание такого защитного механизма, как отрицание. Это наблюдается в виде «слепого» невосприятия объективно существующих негативных последствий своих преступных действий (угрозы гибели, уголовной ответственности), отстаивание неадекватного в пенитенциарных условиях своего

оптимистического настроения и завышенной самооценки («круче нас только горы»).

Показатель по шкале Si «интроверсия» показывает, что эти осужденные адаптированы к специфической среде заключенных. Зачастую это происходит потому, что они «готовы идти до конца» в конфликтной ситуации, что уменьшает количество конфликтов с лицами, совершившими общеуголовные преступления против личности и собственности.

Таковы личностные характеристики подгруппы осужденных, совершивших преступления террористического характера, определенные на основе показателей ведущих пиков общих шкал СМЛ.

Подводя итоги анализа материалов, полученных в результате проведенного нами исследования, следует отметить, что авторам удалось ответить на часть актуальных вопросов, посвященных характеристике лиц, совершивших преступления террористической и экстремистской направленности. Интерпретация и анализ полученного эмпирического материала не подтвердили гипотезы о том, что преобладающая часть террористов и экстремистов являются обладателями выраженных акцентуаций характера и расстройств психического здоровья, а также о том, что им свойственна готовность к насилию, основанная на склонности к агрессивности и разрушительности (на это указывает и шкала Sc «индивидуалистичность» на рис. 1 и 2). Кроме этого, установлено, что психические отклонения у лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности, обнаруживаются гораздо реже, чем в выборке лиц, впервые осужденных за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Отметим, что нашла свое подтверждение гипотеза С.Н. Ениколопова в части того, что экстремисты и террористы обладают такими личностными характеристиками, как постоянная готовность защитить свое «я», стремление самоутвердиться, а также безразличие к чувствам и желаниям других людей.

Итак, во-первых, нами представлены обобщенные результаты исследования личности 700 осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Во-вторых, определены характерные особенности личности трех подгрупп заключенных: лиц, осужденных за преступления экстремистского характера; лиц, осужденных за преступления террористического характера;

лиц, осужденных за преступления террористического и экстремистского характера.

Считаем важным подчеркнуть и то, что полученные нами результаты СМЛ, опубликованные в этой статье, могут быть проанализированы иными отечественными и зарубежными исследователями, которые лишены возможности наблюдать и изучать такое большое количество лиц, чья вина в совершении преступлений террористического и экстремистского характера доказана судом.

На основе установленных нами особенностей личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера определены направления работы по достижению целей наказания в пенитенциарных учреждениях, а также, что очень важно, стало возможным профилактическое выявление лиц, склонных к совершению преступлений террористической и экстремистской направленности, при использовании описанной клинико-криминологической методики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций / А.И. Алексеев. — Москва : Щит-М, 1999. — 340 с.
2. Казберов П.Н. О необходимости противодействия экстремистско-террористическим проявлениям в обществе и в пенитенциарной системе / П.Н. Казберов // Психология и право. — 2013. — № 2. — С. 110–120.
3. Спасенников Б.А. Социально-правовая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов // Социологические исследования. — 2015. — № 9 (377). — С. 120–124.
4. Отягощенный алкогольный анамнез как ассоциированный фактор риска нарушения порядка отбывания наказания осужденными-рецидивистами / Э.А. Мордовский, А.Г. Соловьев, А.Л. Санников, Б.А. Спасенников // Экология человека. — 2018. — № 10. — С. 52–57.
5. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности / Л.Н. Собчик. — Москва, 1990. — 76 с.
6. Dahlstrom W.G. An MMPI handbook. A guide to use in clinical practice and research / W.G. Dahlstrom, G.S. Welsh. — Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1960. — 404 p.
7. Проблемы психогигиены сотрудников уголовно-исполнительной системы / Р.У. Хабриев, Я.Н. Полякова, Б.А. Спасенников, А.В. Сперанская // Гигиена и санитария. — 2019. — Т. 98, № 1. — С. 118–120.
8. Смертность от внешних причин у лиц группы риска / Р.У. Хабриев, С.В. Кулакова, Л.Ф. Пертли, Б.А. Спасенников. — DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-1-4-8 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2019. — Т. 27, № 1. — С. 4–8.
9. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции / Ю.М. Антонян. — Москва : Логос, 2004. — 448 с.
10. King M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D.M. Taylor // Terrorism and Political Violence. — 2011. — № 4. — P. 602–622.
11. Рощин С.К. Психология терроризма: круглый стол / С.К. Рощин, С.Н. Еникополов // Психологический журнал. — 2009. — Т. 16. — С. 44–45.
12. Culture and Extremism / M.J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // Journal of Social Issues. — 2013. — Vol. 69, № 3. — P. 495–517.
13. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories / R. Borum // Journal of Strategic Security. — 2011. — № 4. — P. 7–36.
14. Витюк В.В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) / В.В. Витюк // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения : сб. ст. — Москва, 2003. — Вып. 4. — С. 50–55.
15. Липовая О.А. Особенности проявления и профилактика терроризма / О.А. Липовая, А.А. Корниенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1-5. — С. 111–114.
16. Мелентьева Н.В. Размышления о терроре / Н.В. Мелентьева // Элементы. Евразийское образование. — 2006. — № 4. — С. 55–60.
17. Doosje B. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat / B. Doosje, A. Loseman, K. Van den Bos // Journal of Social Issues. — 2013. — Vol. 69, № 3. — P. 586–604.
18. Terrorism, radicalization, and de-radicalization / B. Doosje, F.M. Moghaddam, A.W. Kruglanski [et al.] // Current Opinion in Psychology. — 2016. — № 11. — P. 79–84.
19. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration / F.M. Moghaddam // American Psychologist. — 2005. — № 60. — P. 161–169.
20. Hogg M. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership / M. Hogg, J. Adelman // Journal of Social Issues. — 2013. — Vol. 69, № 3. — P. 436–454.
21. Антонян Ю.М. Работа с осужденными за убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью на основе их социально-демографических, уголовно-правовых и индивидуально-психологических характеристик : метод. рекомендации / Ю.М. Антонян, Б.Г. Бовин, М.П. Чернышкова. — Москва : Изд-во НИИ ФСИН России, 2016. — 71 с.
22. Zimbardo P.G. Balancing One's Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning / P.G. Zimbardo, I. Boniwell // Positive psychology in practice. — New York : Wiley, 2004. — P. 165–180.
23. Williams K.S. Textbook on Criminology / K.S. Williams. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 680 p.
24. Sutherland E.H. Principles of Criminology / E.H. Sutherland, D.R. Cressey. — Chicago : Lippincott, 1960. — 646 p.

25. Ениколопов С.Н. Терроризм и агрессивное поведение / С.Н. Ениколопов // Национальный психологический журнал. — 2006. — № 1 (1). — С. 28–32.
26. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. — Москва : Эксмо, 2006. — 1008 с.

REFERENCES

1. Alekseev A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Shchit-M Publ., 1999. 340 p.
2. Kazberov P.N. The Need to Counter Extremist Terrorist Manifestations in Society and in the Penal System. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2013, no. 2, pp. 110–120. (In Russian).
3. Spasennikov B.A., Smirnov A.M. Social and Legal Characteristics of the Convicts Serving Sentences in Russian Correction Colonies. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015, no. 9 (377), pp. 120–124. (In Russian).
4. Mordovsky E.A., Soloviev A.G., Sannikov A.L., Spasennikov B.A. Burdened Alcohol Anamnesis as a Risk Factor Associated with the Violation of the Penitentiary Order by Prisoners-Recidivists. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2018, no. 10, pp. 52–57. (In Russian).
5. Sobchik L.N. *Standartizirovannyi mnogofaktornyi metod issledovaniya lichnosti* [Standardized Multifactorial Method of Studying Personality]. Moscow, 1990. 76 p.
6. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. *An MMPI handbook. A guide to use in clinical practice and research*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1960. 404 p.
7. Khabriev R.U., Polyakova Ya.N., Spasennikov B.A., Speranskaya A.V. Problems of Psycho-Hygiene in the Staff of the Penitentiary System. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and Sanitation*, 2019, vol. 98, no. 1, pp. 118–120. (In Russian).
8. Khabriev R.U., Kulakova S.V., Pertli L.F., Spasennikov B.A. The Mortality from External Causes in Individuals of Risk Group. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdoravookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 4–8. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-1-4-8. (In Russian).
9. Antonyan Yu.M. *Kriminologiya. Izbrannye lektsii* [Criminology. Selected Lectures]. Moscow, Logos Publ., 2004. 448 p.
10. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622.
11. Roshchin S.K. The psychology of terrorism: a round table. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Magazine*, 2009, vol. 16, pp. 44–45. (In Russian).
12. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 495–517.
13. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, no. 4, pp. 7–36.
14. Vityuk V.V. Some problems of terrorism from the standpoint of modern conflict situations (consideration of terrologists). *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologiya razresheniya* [Social Conflicts: Expertise, Prediction, Resolution Techniques]. Moscow, 2003, iss. 4, pp. 50–55. (In Russian).
15. Lipovaya O.A., Kornienko A.A. Features of and Prevention of Terrorism. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2016, no. 1-5, pp. 111–114. (In Russian).
16. Melenteva N.V. Speculations on Terror. *Elementy. Evraziiskoe obrazovanie = Elements. Eurasian Education*, 2006, no. 4, pp. 55–60. (In Russian).
17. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 586–604.
18. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., Wolf A. de, Mann L., Feddes A.R. Terrorism, Radicalization, and De-Radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 11, pp. 79–84.
19. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*, 2005, no. 60, pp. 161–169.
20. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 436–454.
21. Antonyan Yu.M., Bovin B.G., Chernyshkova M.P. *Rabota s osuzhdennymi za ubiystva i umyshlennoe prichinenie tyazhkogo vreda zdorov'yu na osnove ikh sotsial'no-demograficheskikh, ugolovno-pravovykh i individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik* [Working with Persons Convicted for Homicide and Intentional Infliction of Grave Bodily Harm on the Basis of their Socio-Demographic, Criminal Law and Individual Psychological Characteristics]. Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2016. 71 p.
22. Zimbardo P.G., Boniwell I. Balancing One's Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning. *Positive Psychology in Practice*. New York, Wiley, 2004, pp. 165–180.
23. Williams K.S. *Textbook on Criminology*. Oxford, Oxford University Press, 2012. 680 p.
24. Sutherland E.H., Cressey D.R. *Principles of Criminology*. Chicago, Lippincott, 1960. 646 p.
25. Enikolopov S.N. Terrorism and Aggressive Behavior. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2006, no. 1 (1), pp. 28–32. (In Russian).
26. Malkina-Pykh I.G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy* [The Psychology of the Victim's Conduct]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 1008 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Казберов Павел Николаевич — старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы Управления воспитательной, социальной и психо-

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kazberov, Pavel N. — Chief Inspector for Special Assignments, Department of Organizing Psychological Work, Office of Educational, Social and Psychological Work, Federal Peni-

логической работы Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: opodnii@yandex.ru.

Спасенников Борис Аристархович — советник директора Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>.

Тюньков Владислав Владимирович — профессор Иркутского государственного университета путей сообщения, доктор технических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: tunkov@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Казберов П.Н. Особенности личности осужденных за преступления террористического и экстремистского характера / П.Н. Казберов, Б.А. Спасенников, В.В. Тюньков. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 6. — С. 921–931.

tentiary Service of Russia, Ph.D. in Psychology, Moscow, the Russian Federation; e-mail: opodnii@yandex.ru.

Spasennikov, Boris A. — Advisor to the Director, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: borisspasennikov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0002-5668-6457>.

Tyunkov, Vladislav V. — Professor, Irkutsk State Transport University, Doctor of Technology, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: tunkov@bk.ru.

FOR CITATION

Kazberov P.N., Spasennikov B.A., Tyunkov V.V. Specific personality characteristics of prisoners convicted for terrorism and extremism crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 921–931. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).921-931. (In Russian).